

КУЛЬТУРОЛОГИЯ И РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ

УДК 168

И. И. Кальной, Б. В. Марков

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОСТИ

Общество как искусственное образование больших и малых групп людей, различающихся по полу и возрасту, по социальному и профессиональному статусу, а также по пристрастиям и желаниям, поддерживает самосохранение индивидов благодаря системе общественных координат, которую задают правовые, моральные и цивилизационные коды поведения. Интеллигенция, объединяющая ценности различных социальных групп, является субъектом гуманистического мировоззрения, обеспечивающего оптимальные возможности воспитания, просвещения и образования, сохраняющего на основе культурной памяти преемственность поколений, дающего достойный ответ на вызовы времени. Следует помнить и о том, что интеллигенция идеологически оправдывала революции и тем самым способствовала всплескам насилия. Если говорить о необходимости возвращения интеллигенции на арену истории, то следует продумать, как избежать негативных последствий ее призывов к правде и справедливости. Интеллигенция — это ассоциация свободных и независимых людей, использующих моральную рефлексию для оценки происходящего. Интеллигенция — это призма, сквозь которую общество может наблюдать само себя. Интеллигенция оценивает происходящее, руководствуясь голосом совести и чувством долга. Массовая культура превращается в форму управления образом жизни людей на основе товарно-денежных отношений. Это ведет к росту конфликтов. Наоборот, интеллигенция выполняет важную образовательную и воспитательную работу, которую можно назвать производством общества. Если раньше принимали во внимание экономическое положение населения, то сегодня поведение народных масс на политической арене определяется государственными и патристическими ценностями. Школы и университеты, рассматриваемые в культурно-антропологическом измерении, должны формировать не только знания, но и моральные ценности молодежи. Библиогр. 11 назв.

Ключевые слова: человек, интеллигенция, интеллигент, насилие, толерантность.

Кальной Игорь Иванович — доктор философских наук, профессор, Таврическая академия Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, Российская Федерация, 295007, Симферополь, пр. Академика Вернадского, 4; igor_kalnoy@mail.ru.

Марков Борис Васильевич — доктор философских наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; b.markov@spbu.ru

Kalnoy Igor I. — PhD, Professor, Taurida Academy, Crimean Federal V.I. Vernadsky University, 4, pr. Akademika Vernadskogo, Simferopol, 295007, Russian Federation; igor_kalnoy@mail.ru

Markov Boris V. — PhD, Professor, St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; b.markov@spbu.ru

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2016

INTELLIGENTSIA IN MODERN CONDITIONS

Society as artificial formation of big and small groups of people, which differ by sex and age, social and professional status and also predilections and wishes provides individual self-preservation thanks to social coordinate system, which is set by legal, moral and civilization codes of behavior. Intelligentsia unites values of different social groups, is a subject of human outlook and provides optimal options of upbringing, enlightenment and education. On the basis of cultural memory it preserves the succession of generations and gives a decent response to the challenges of the time. One should not forget that intelligentsia has ideologically justified revolutions and provoked violence. Speaking about the necessity of the intelligentsia return to the history arena, it's worth thinking how to avoid negative consequences of its appeals to truth and justice. Intelligentsia is an Association of free and independent people using moral reflection to evaluate the situation. Intellectuals are the prism through which society can watch itself. Intellectuals observe and evaluate events guided by the voice of conscience and sense of duty. Popular culture is transformed into a form of lifestyle manipulation on the basis of commodity-money relations. This leads to increased conflicts. On the contrary, intelligentsia has an important teaching and educational work, which can be called promotion of society. If you previously took into account the economic situation of the population, today the behavior of the masses in the political arena is determined by the State and patriotic values. Schools and universities discussed in cultural-anthropological dimension must form not only knowledge, but the moral values of youth. Refs 11.

Keywords: man, intelligentsia, intellectual, violence, tolerance.

Интеллигенция, этот «Дон Кихот» общества, несмотря на заявления об «исчезновении», точнее, превращении ее в интеллектуалов, вовсе не сошла со сцены истории. Одна ее часть заявляет себя рыцарями добра, справедливости, вызывает к духу народа, зовет его на площади и даже на поля сражений, другая самоопределяется как элита, демонстрируя при этом не столько достоинства, сколько недостатки человеческой природы.

Человек — это «неслиянное и нераздельное» триединство «борьбы за существование» (на уровне индивида как биоособи), «воли к власти» над обстоятельствами (в статусе личности) и «заботы о себе» (на уровне духовности) [1, с. 392–394]. Человек рожден природой, моральным он становится в обществе, а свободным — благодаря духовному самосовершенствованию. В государстве он воспитывается как исполнитель необходимых ролей и функций. Его индивидуальные переживания включают чувство неудовлетворенности как собой, так и социальной средой, что выражается в современной философии в форме противоречия «быть или иметь». Базисом этого противоречия является собственность, первооснову которой составляет частная жизнь человека. Если она заработана честным трудом, то вызывает уважение. Но собственность, полученная нетрудовым путем, обычно возбуждает негодование. Противоречие между обладанием и желанием, как правило, отягощено чувствами зависти и ненависти, что влечет за собой трансформацию «другого» в «чужого».

Проблема в том, что справедливые общества — обычно бедные, а богатые — несправедливые. Таким образом, проблемный характер собственности проявляется в социальной структуре, и это определяет пафос интеллигенции, озабоченной равенством и соблюдением прав человека. Вместе с тем попытки построить справедливое и одновременно гуманное общество пока не удавались. Возможно, время для этого еще не настало. Поэтому необходимо с учетом условий современности скорректировать традиционные запросы интеллигенции.

Интеллигенция — это не «прослойка» общества, а ассоциация свободных и независимых людей, использующих моральную рефлексию для оценки происходящего. Интеллигенция — это некая призма, сквозь которую общество может наблюдать само себя. Эта призма может быть устроена по-разному. Интеллигент переживает чувство ответственности за мир и страдания людей, наблюдает и оценивает происходящее, руководствуясь голосом совести и чувством долга. Марк Туллий Цицерон в трактате «О природе богов» определял интеллигентность как способность понимать сущность мира и разумно выстраивать свои отношения с обществом. Интеллигент — «чело-века», «соль земли», а интеллигентность — субстанция духовности и одновременно модус ее проявления. Чтобы выполнить свое предназначение, интеллигент должен быть не только добрым, но и образованным.

Сторонники особого пути развития России борются за сохранение миссии интеллигенции. Сторонники модернизации общества считают, что интеллигенция должна уступить свое место интеллектуалам западного толка. При этом все исходит из того, что интеллигенция — сугубо русское, национальное явление, в то время как европейская культура опирается на интеллектуалов, которые дистанцируются от морали и исследуют происходящее с позиций рациональности и полезности. На самом деле интеллектуала тоже нельзя мыслить наподобие калькулятора, подсчитывающего по формуле «выгодно — не выгодно». Интеллигент / интеллектуал — проявления многоликости, многомерности человеческого существа, живущего в сложном, дифференцированном обществе.

В нормальном состоянии обществу нужны не критики идеологии и революционеры, а цивилизованные, образованные, ответственные личности, способные к рефлексии, которая затормаживает аффективные реакции, просчитывает последствия тех или иных действий и поступков. Помимо исполнения той или иной социальной роли человек ведет частную жизнь, которая не ограничивается исполнением семейных обязанностей и дружбой с соседями. В институтах конкретного общества, в профессиональных инструкциях и общепринятых нормах он ищет человеческий смысл, нередко игнорируя их внеиндивидуальное предназначение. Отсюда «передозировка» экзистенциальных и моральных ценностей может приводить к столкновению с правом, а их недостаток вызывает ностальгию о подлинном бытии. Размышления о взаимосвязи личного и общественного в жизнедеятельности интеллигента требуют предварительного ответа на вопросы:

— Интеллигенция — это «соль земли» или всего лишь незначительная или невостребованная группа интеллектуалов?

— Приспособление и протест — это нормы или аномалии поведения?

— Чем опосредована социальная активность интеллигенции, инспирируются ее действия голосом совести или чувством долга?

— По каким параметрам интеллигент совпадает с интеллектуалом, а по каким он принципиально от него отличается?

— Почему левая интеллигенция, обеспечивающая идеологию революции, оказывается невостребованной при новом порядке?

— Может ли интеллигенция быть субъектом гуманитарного образования и генерировать молодежь, способную дать ответ очередному историческому вызову?

— Почему интеллигенция была и остается объектом или апологии, или критики?

Надежды и иллюзии отечественной интеллигенции повторяют историю противостояния «нестяжателей» (Нил Сорский) и «иосифлян» (Иосиф Волоцкий). Они заложили предпосылки дискуссии славянофилов и западников. Как показывает история, на развитие России влияли то те, то другие. Либерализация дворянства в условиях Петровских реформ привела к появлению тех, кто изъявил готовность служить Отечеству, но не прислуживать тем, кто узурпировал власть. Публицистика П. Я. Чаадаева, И. В. Кириевского, К. С. Аксакова, А. С. Хомякова, Н. Я. Данилевского, К. Н. Леонтьева, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого и др. развивала тезис о том, что Россия должна найти свою дорогу, ибо у нее есть предназначение, обусловленное как ойкуменой (заселенным пространством), где складывался уникальный и неповторимый диалог природы и общества, так и образом жизни, общей историей, в ходе которой сложились язык и культура российского общества. Поэтому и в прошлом, и в настоящем вопрос о территориальной целостности России сохраняет свою актуальность. Помимо того что называют «судьбой народа», необходимо учитывать и цивилизационные достижения. Попытка игнорировать их специфику также оборачивалась трагическими коллизиями, примером которых была не только революция 1917 г., но и реформы 1990-х.

Отечественная публицистика способствовала формированию чувства вины дворянского сословия перед народом-кормильцем. Феномен российской интеллигенции проявился в формате «кающихся дворян», интеллектуальные провокации которых выражали надежду на просвещение и освобождение. Комплекс вины, несомненно, подрывал основы старого феодального порядка, и полемика о судьбах России в целом способствовала либерализации общества. Отмена крепостного права и другие реформы упразднили сословное неравенство, сделали общедоступным университетское и техническое образование, что привело к появлению «критически мыслящих личностей» из разночинцев. Конфликт «отцов и детей», оставивший заметный след в психоистории российского общества, был, с одной стороны, следствием модернизации, а с другой — симптомом нарастающих противоречий гуманитарной и технической культур. Нигилизм молодежи второй половины XIX столетия выражался в отрицании традиций; в критике прошлого, переоценке возможностей науки, ориентации на утилитарные ценности, желании осчастливить народ на основе рационального порядка в общественной жизни.

Образ мысли отечественного интеллигента сложился как результат рецепции социально-утопических идей Западной Европы. Основания динамичного XIX в. манифестировал немецкий «фаустовский дух», французский культ «великих людей» и русский образ «героя и толпы». Особенности русской интеллигенции выражаются в том, что ее идеологи одержимы идеей чистой справедливости, но не в состоянии ее обеспечить, настаивают на своей избранности и одновременно заявляют о необходимости самопожертвования, допуская тем самым готовность стать козлом отпущения.

Увлечение европейскими авторитетами привело отечественную интеллигенцию к идеям социализма. Поначалу это был «крестьянский социализм», сочетавший институт русской общины с процессом модернизации. Данный проект привлекал внимание Маркса, который даже изучал русский язык, чтобы прочитать работы Чернышевского. Однако Марксова модель «азиатского способа производства» обесценивала программу общинного социализма, и идеология народников

была заменена проектом пролетарской революции. Правда, история показала, что община сохранилась в форме колхозов, которые хоть и были в экономическом отношении не самыми эффективными способами хозяйства, зато производили добротный и надежный «человеческий капитал», благодаря которому Россия устояла перед натиском фашизма.

Позиция революционно настроенной интеллигенции, допускавшей насилие ради осуществления идей свободы, равенства и братства, не выдержала испытания революцией 1905–1907 гг. Ставка критически мыслящих личностей на экстремизм, террор и революцию была отвергнута «веховцами», переосмыслившими революцию как неестественное вторжение в естественный процесс общественного развития. Основная идея авторов сборника «Вехи» состояла в разделении дельных образованных людей и интеллигенции, представители которой не способны к позитивной деятельности, остаются вечно неудовлетворенными инакомыслящими изгоями. Им свойственны рессентимент христианской морали и укоренившаяся в традиции Просвещения критика идеологии. Интеллигенция считала своей главной задачей разоблачение власти в глазах народа. По Бердяеву, интеллигенция стремится к достижению правды-справедливости и пренебрегает истиной объективной науки [2, с. 41].

В сборнике «Вехи» предпринималась попытка оправдания интеллигенции: самодержавие было репрессивной формой господства, которое интеллигенция стремилась заменить тем, что сегодня называют «государством с человеческим лицом». Так как мораль была основой единства русского народа, то правдоискательский пафос интеллигенции способствовал его консолидации [2, с. 295]. В каждую историческую эпоху интеллигенция формирует новые ценностные ориентации, действующие в определенных социально-политических условиях. Поэтому «философия интеллигенции» не должна ограничиваться идеалами прошлого. Опыт затянувшихся реформ дает новый фактический материал, позволяющий выявить общие черты постсоветской интеллигенции, а западное общество благоденствия наводит на размышления о статусе интеллектуалов. Можно суммировать некоторые итоги размышлений публицистов и ученых.

Во-первых, отмечается невнимание к изменениям в умонастроениях интеллигенции, разве что исторические исследования открывают ее формирование во всех модернизирующихся обществах.

Во-вторых, сохранились прежние различия в оценках ее влияния на общество. Одни считают, что интеллигенция как носитель морального сознания крайне опасна, ибо разогревает протестные настроения. Другие, напротив, доказывают, что борьба за справедливость и разоблачение злоупотреблений власти — это условие эмансипации общества.

В-третьих, обсуждается различие интеллигенции и интеллигентности. Интеллигенция определяется как социально-профессиональная прослойка общества, в то время как интеллигентность — понятие духовно-нравственное, связанное с социально-личностными качествами людей. Подлинная интеллигентность — это не «привилегия» и не профессия, а состояние души человека, сознательно подчиняющего свое поведение правилам добра. Интеллигент — это образованный и творческий человек с гуманистическим мировоззрением.

Сегодня интеллигенция еще многочисленна, но ее влияние на общество и власть невелико. Но она по-прежнему верит, что власть призвана создать усло-

вия и гарантировать возможность ее процветания. На самом деле тренд развития реализуется в другом направлении. На распад социальной ткани власть реагирует иными средствами, чем просвещение народа. Сегодня говорят о революции менеджеров, которые стали движущей силой постиндустриального общества. Д. Белл главную роль в нем приписывал ученым. Он полагал, что в современную эпоху научно-теоретическое знание становится производительной силой экономического роста и открывает дорогу новому социально прогрессивному «классу знания» [3]. В совокупной среде «белых воротничков» и буржуазии А. Гоулднер выделяет «новый класс интеллектуалов и технической интеллигенции». Основной его функцией становится возможность контроля за желаниями людей. Интеллигенция превращается в «культурную буржуазию», которая присваивает преимущества, получаемые от исторически коллективно произведенного культурного капитала [4].

По мнению А. Турэна, культурные ценности, а не формы экономической организации, разделения труда определяют новый класс, его авангардом являются университеты, производящие символический капитал. Главную функцию постиндустриальной трансформации общества и духовно-нравственного «генератора» класс интеллектуалов/интеллигентов благодаря высокому профессионализму и уникальным способностям к мобилизации социальных движений выполняет на основе критического дискурса, социальной рефлексии, интенсификации нравственно-духовного восприятия мира [5]. Таким образом, западный интеллектуал позиционируется не как технократ. Его моральность определяется не какой-то особенной природой «добрых европейцев». Дело в том, что в крупных корпорациях финансируются не только научные разработки, но и этические экспертизы, призванные сокращать судебные издержки от исков пострадавших потребителей.

Трудность признания моральных ограничений не только научно-технической, но и иной деятельности состоит в том, что сама мораль при этом оказалась вне критической рефлексии. Интеллектуалы считают, что прежде, чем применять моральные нормы к науке, бизнесу, политике, необходимо дать им научное обоснование, т. е. построить научную этику. Последняя отличается от этики науки тем, что не ищет на стороне, например на небе, моральные заповеди, а опирается на профессиональный этос исследователя. Его основные черты, согласно Мертону и Хабермасу, — это свобода, независимость, нейтральность, объективность, интеллектуальная честность исследователя и аргументированность, обоснованность и проверяемость предлагаемых суждений.

Проблема в том, что каждый индивид выполняет в обществе различные социальные роли и при этом остается человеком. Как совместить должностные инструкции с моральными нормами — такова наша проблема. Она стоит не только для ученых, но и для депутатов, военных и работников правоохранительных органов. В отношении ученых она поистине неразрешима, ибо диктат морали приводит к ограничению свободы исследователя. Для морального оздоровления, очищения общества от пороков христианских практик недостаточно. Изучение философии само по себе также не оказывает на людей достаточного гуманизирующего воздействия. Интеллектуалы-философы видят опасность в том, что современные массмедиа бестиализируют людей. Люди перестают читать книги и слушать умные речи, зато становятся участниками жестоких зрелищ. Если раньше единство общества достигалось на почве совпадения относительно различия истины и лжи, добра

и зла, то сегодня этой идиллии пришел конец. Общественное мнение формируется не проповедями, а усилиями массмедиа, которые посредством рекламы и иных зрелищ прямо показывают, как следует жить в обществе потребления.

Протест левых интеллектуалов против машинизации, маркетинга, омассовления, бездуховности, потребительства и конформизма не соответствовал настроениям людей, озабоченных повышением комфортабельности собственной жизни. Г. Маркузе не очень верил в действенность критической теории [6, с. 10]. Тем более пессимистично был настроен М. Фуко, который считал протест интеллектуалов непоследовательным, так как именно они производят власть, более того, сами оплетены ею со всех сторон и не умеют бороться с нею [7, с. 322–323]. Можно поставить вопрос еще более радикально: честно ли призывать к разрушению общества, которое обеспечивает высокий уровень потребления?

Интеллектуалы часто обвиняются в технократизме. Действительно, в сфере управления нужны независимые специалисты, которые исходят не из утопических планов, а из финансовых и технических возможностей. Но поскольку они принимают решения без учета интересов простых граждан, то нуждаются в неусыпном контроле со стороны общественности. При этом необходима рефлексия как технократических, так и обыденных установок. Очевидно, что социально значимые решения должны приниматься не в кабинетах власти, а на публичной сцене с участием специалистов и общественности.

Сегодня по-прежнему спорят о том, кто и в какой мере должен нести ответственность за кризис общества и страдания народа. На глазах нашего поколения состоялась так называемая перестройка. Всеобщий энтузиазм, охвативший людей, подкреплялся критикой бюрократии и ориентиром на «общее благо», идею которого подхватили реформаторы, демонстрировавшие свою принадлежность к традициям отечественной интеллигенции. Однако довольно быстро гуманитарная интеллигенция была вытеснена политическими прагматиками. В результате перестройка обернулась распадом СССР, оставив после себя только память о выживании в условиях чрезвычайной ситуации. Ментальность экономистов и политологов, получивших элитное образование, сложилась на основе идей либерализма. Но и они, скорее всего, мечтали о соединении преимуществ социализма и рыночной экономики. Психология перестройки определялась ожиданием перемен и во многом объясняется гипертрофированным моральным чувством. Интеллигенция стала смотреть на СССР как на империю зла, т. е. глазами Запада.

На вопрос, кто осуществил революцию в России, Ф. А. Степун отвечал: революционная интеллигенция, рожденная духом петровских преобразований [8, с. 324]. Начиная с разночинцев, интеллигенция становится грозной самостоятельной силой. В борьбе за правду, за счастье народа ее представители оказались активными проводниками социальных преобразований. Различие народного быта и либеральной идеологии — главная беда модернизирующихся обществ. Поскольку интеллигенция духовно и психологически оторвана от народной жизни, постольку она склонна к революции.

Рост насилия можно объяснять криминализацией, точнее, легализацией преступного мира. Бывшие преступники встали во главе фирм, которые напоминали бандформирования. К ним примкнули бывшие спортсмены, военные, милиционеры и даже рабочие, перекавалифицировавшиеся в охранников. Реформы привели

к всплеску преступности в среде новых русских. Они не только грабили население, расхищали госсобственность, но и принялись уничтожать друг друга. Поэтому применение насилия со стороны государства во многом определяется структурными свойствами общественной системы. Насилие не является следствием «тоталитарного» режима. Наоборот, сословные, кастовые, иерархические общества отличаются длительными периодами спокойного правления. Диктатура и связанное с нею насилие — это реакция на разложение социальной ткани. Когда в ответ на традиционные по форме действия отвечают неадекватно, возникает острое желание принуждать к адекватным, т. е. ожидаемым реакциям. Таким образом, интеллигенция не тяготеет к насилию, так сказать, «по природе», а неизбежно применяет его для реализации идеологии. Если речь идет о революции, то, может быть, в этом случае следует закрыть глаза на террор и объявить такое насилие «священным»?

Как показывают события постсоветской истории, попытки вызвать дух народа во имя национального суверенитета чрезвычайно опасны. В нормальном состоянии люди озабочены своими делами и стремятся улучшить условия существования. Народ — это сложный мифологический, идеологический и социально-политический конструкт, который становится реальностью в чрезвычайной ситуации, во время внутреннего кризиса или опасности извне. Инстинкт самосохранения заставляет людей демонстрировать готовность защищать свою землю, культуру, язык, право на жизнь и волеосуществление. Когда исчезает опасность, народ трансформируется в обывателей, преследующих свои интересы. Так было, есть и будет.

Нельзя успокаиваться тем, что история — это не арена счастья, а естественный процесс борьбы за существование. Во-первых, революции, завершая один круг насилия, порождают следующий, подтверждением чему служат события, наступающие после относительно бескровных революций. Во время Октябрьского переворота 1917 г. погибло 9 человек, еще меньше — при подавлении путча 1991 г. Зато потом разразились кровопролитные гражданские войны. Во-вторых, как показывает история общества благоденствия, к которому можно отнести и «развитой социализм» 70–80-х годов XX столетия, в периоды устойчивого экономического развития люди тоже склонны к экстремальному поведению и проявляют непонятные вспышки агрессии.

По мнению В. В. Бочарова, конфликты интеллигенции и власти — это конфликты поколений. Лидеры революций выступали как защитники народа и этим вызывали симпатию. Однако, придя к власти, они сами использовали насильственные методы. Это в свою очередь вызывало протест следующего поколения. Таким образом, суть конфликта и причина «революционности» интеллигенции в том, что люди с дипломами не становились людьми с портфелями. Оказавшаяся не у дел молодежь является горючим материалом революции [9, с. 147]. Вступив на путь модернизации, народ уже не способен вести прежний образ жизни, но он не допускается и к благам цивилизации. Между тем везде есть телевидение, и люди знают, как можно жить. Если интеллигенция XIX в. должна была знать европейские языки, чтобы получить доступ к идеям Просвещения, то сегодня благодаря ТВ и Интернету доступ к символическому потреблению имеют широкие массы. Возникает разрыв между желанием и реальностью, который используется режиссерами «цветных революций». Они начинаются под флагом свободы и равенства, а завершаются авторитаризмом.

Л. Н. Гумилев причину изменений видел в пассионарности. Она хороша в меру и под контролем. Пассионарный перегрев приводит к взрыву. Речь может идти о психически неуравновешенных личностях, способных заражать массы воодушевлением. Все это было присуще харизматическим лидерам традиционных обществ, и все это вновь стало значимо сегодня. В беспокойные периоды истории на первый план выдвигаются пророки, которые своим кликушеством гипнотизируют массы и ведут их к гибели.

Н. М. Гиренко занимался исследованием морфологии насилия и анализом переходных состояний, когда возникает потребность в восстановлении стабильности общества. «Рассматривая насилие не как девиантное поведение индивида или группы, а как непереносимое для общественной среды явление, проявляющееся в формах более или менее значимых в семиотическом смысле, видим, что насилие предстает как один из способов разрешения уже возникшего и ставшего явным конфликта, в котором оба участника конфликта по отношению к разрушившейся, разлагающейся социальной и культурной среде выступают в качестве жертвы обстоятельств» [10, с. 103].

Поскольку считается, что нация и государство представляют собой органическое единство, постольку насилие над любым его членом воспринимается как оскорбление всего коллектива, в ответ на которое насилие применяется в отношении первых подвернувшихся под руку представителей народа-обидчика. Короче говоря, преступления совершают одни, а наказанию подвергаются другие. Это возможно потому, что народ рассматривается как коллективное тело. Представление о единстве, о славной истории, общих предках, территории, языке и культуре, о несправедливостях, об актах насилия со стороны соседей, о войнах с ними — за все это приходится платить ценой этнических конфликтов. И это действительно настораживает, когда речь заходит о национальном. От проблемы идентичности и самосохранения социума нельзя отмахнуться. В противном случае общество оканчивается толпой, массой, электоратом. Опору современного общества составляют граждане, а не народ. Об этом должны помнить как историки, так и сами люди, ищущие корни своего бытия

Демократия, либерализм, толерантность и права человека — главные ценности западной демократии, вызвавшие глубокую трансформацию повседневной жизни людей. К сожалению, в модернизированных обществах к прежним грубым формам физического насилия и угнетения добавились новые способы безличной манипуляции людьми. В ответ на это возникли новые формы протеста в форме не только трансгрессии, но и террора. Все это и заставляет обратиться к оставшейся, казалось бы, в прошлом проблеме насилия. Практикуемые современными интеллектуалами формы протеста сначала кажутся просто игрой. Такие игры опираются на допущение, что нет никакой реальной или виртуальной власти, воздействующей на людей, и ничего не нужно бояться. Однако если попытаться дать дефиницию духу нашего времени, то его следует определить как экстремизм. Экстремист создает такую нечеловеческую ситуацию, в которой само существование оказывается невозможным. Поэтому всеми возможными способами следует избегать и всячески препятствовать возникновению чрезвычайных обстоятельств. Нельзя ли снять противоречие интересов, не опираясь на насилие? Кроме принципа совести можно вспомнить о развитом чувстве стыда или о культуре чести в традиционном обще-

стве. Ненасильственное урегулирование конфликтов не опирается на правовые договоры, так как их исполнение тоже приводит к применению насилия. Без насилия право перестает существовать. Сегодняшние демократы уже не понимают смысла правоустанавливающего насилия и надеются на достижение компромисса, который чаще всего имеет вынужденный характер. Парламент опирается на институт права и остается такой формой снятия конфликтов, в основе которой лежит насилие. Возможны ли оправданные средства для достижения справедливых целей и кто решает вопрос об оправданности средств и справедливости целей? Сорель отклоняет любые правовые ограничения революционного движения. Революция — это ясный простой бунт, непосредственная манифестация насилия. Последующий процесс правоустановления осуществляет легитимацию насилия, учреждающего новый порядок.

Что же кладет предел правоустанавливающему насилию? В. Беньямин, не без влияния Сореля и Савенкова, предложил концепцию «священного насилия», которое является уничтожающим, искупительным в отношении собственности и других благ, но не в отношении другого [11, с. 87]. Что касается опасности его допущения, то оно ограничено заповедью «Не убий». Это не закон и не угроза наказания, не мера приговора, а руководство к действию, обращенное к индивиду. Каждый, кто ее переступает, берет ответственность на себя. Прямое оправдание насилия недопустимо в современном обществе. Но даже там, где отменена смертная казнь и существенно гуманизированы все социальные службы — от полиции и бюрократии до органов образования, все чаще ведутся разговоры о вербальных и иных формах насилия. Появление новых форм зла, которое часто невидимо и происходит под маской гуманизма и прав человека, делает положение противников насилия более сложным, чем раньше, когда зло проявлялось в грубой и зримой форме.

Под разговоры о гуманизме, мультикультурализме и толерантности на самом деле происходит рост национализма, ксенофобии, насилия, терроризма. От этого интеллигенция бросается в другую крайность, принимает тезис о войне цивилизаций. Разумеется, когда возникают чрезвычайные ситуации, выходить из них приходится в «ручном режиме», и тогда все зависит от мудрости политиков, эффективности действий правоохранительных органов и военных. Однако долгосрочная политика предполагает профилактику проявлений ксенофобии и должна опираться на эффективные социальные технологии. Именно их и должна разрабатывать гуманитарная интеллигенция.

Размышления о роли интеллигенции позволяют нам сделать следующие выводы.

- До сих пор не утихают споры о роли интеллигенции в борьбе за справедливое общество, за государство с человеческим лицом. Народники, социалисты, коммунисты, демократы создавали и создают собственные конструкты, руководствуясь которыми они намеревались преобразовать Россию. Думается, что они увенчаются успехом, а надежда не обернется очередным разочарованием, если производимый интеллигенцией символический капитал послужит укреплению идентичности российского общества. Но пока народ и интеллигенция по-прежнему не слышат друг друга.

- Для реализации высоких целей левая интеллигенция оправдывала экстремизм, насилие и даже террор. Наоборот, сторонники либерализма считали недопустимыми неправовые средства достижения идеалов равенства и справед-

ливости. Интеллигенция, разделявшая людей на угнетателей и угнетенных, не среагировала должным образом на проблемы отчуждения человека, выражавшиеся в форме персонификации общественных отношений и деперсонификации человека. Это привело к внутреннему вырождению советской интеллектуальной элиты, которая забыла или отбросила миссию интеллигенции, состоящую в воспитании народа.

- Самопонимание нынешней элиты тоже изменилось, и ее мыслящие представители охотнее позиционируют себя интеллектуалами. Вместе с тем реальные проблемы снова заставляют вернуть в определение профессионала этическую составляющую. Личности, ориентированные на Запад, предпочитают термин «интеллектуалы», а более консервативные — «интеллигенция». Те и другие вынуждены учитывать возросшие как профессиональные, так и этические требования к современному человеку.

- Сегодня не без основания напрашивается вопрос, существует ли и нужна ли еще интеллигенция современному обществу. Если раньше единство достигалось на почве совпадения относительно различия истины и лжи, плохого и хорошего, то ныне этой идиллии пришел конец. Если к кризису доверия науке и морали добавить кризис искусства, религии, политики, то возникает поистине удручающая картина. Не удивительно, что место философствующей и морализирующей интеллигенции занимают интеллектуалы, менеджеры, политологи, экономисты, юристы, предприниматели.

- На вопрос, нужна ли сегодня интеллигенция, можно ответить в перспективе исследования «антропогенных машин» нашего общества. Они, собственно, и определяют качества как втянутых в их механизмы людей, так и тех, кто эти машины создает и обслуживает. При этом не имеет в виду чего-то тайного и скрытого. Наоборот — это всем известные институты вроде школы и университета, рассматриваемые в культурно-антропологическом измерении, как своеобразные технопарки по производству человека. Культурно-антропологический подход плодотворен для понимания современных политических процессов. Сегодня массовая культура превращается в форму управления образом жизни людей. Если раньше принимали во внимание экономическое положение народа, то сегодня поведение масс на политической арене нельзя просчитать, не изучая содержание телевизионных передач и интернет-форумов.

Литература

1. *Аристотель*. О душе // Аристотель. Соч.: в 4 т. М.: Мысль, 1975. Т. 1. С. 369–451.
2. Вехи. Интеллигенция в России. М.: Молодая гвардия, 1991. 462 с.
3. *Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество. Образец социального прогнозирования. М.: Academia, 2004. 788 с.
4. *Гулднер А.* Наступающий кризис западной социологии. СПб.: Наука, 2003. 576 с.
5. *Турен А.* Возвращение человека действующего. Очерк социологии. М.: Научный мир, 1998. 204 с.
6. *Маркузе Г.* Одномерный человек. Исследование идеологии развитого индустриального общества. М.: REFL-book, 1994. 341 с.
7. *Фуко М.* Забота об истине // Воля к истине. М.: Касталь, 1996. С. 307–327.
8. *Степун Ф. А.* Сочинения. М.: РОССПЭН, 2000. 600 с.
9. *Бочаров В. В.* Интеллигенция и насилие // Антропология насилия. СПб.: Наука, 2001. С. 39–88.

10. Гиренко Н. М. Морфология, идеология насилия и стратегии выживания // Антропология насилия. СПб.: Наука, 2001. С. 88–115.

11. Беньямин В. Учение о подобии. М.: РГГУ, 2012. 287 с.

Для цитирования: Кальной И.И., Марков Б.В. Интеллигенция в условиях современности // Вестн. С.-Петербург. ун-та. Сер. 17. Философия. Конфликтология. Культурология. Религиоведение. 2016. Вып. 2. С. 88–99. DOI: 10.21638/11701/spbu17.2016.209

References

1. Aristotel'. O dushe [On the Soul]. *Aristotel'. Soch.: v 4 t. T. 1* [Aristotle. Works: in 4 volumes. Vol. 1]. Moscow, Mysl Publ., 1975, pp. 369–451. (In Russian)

2. Vekhi. *Intelligentsiia v Rossii* [Vehi. The intelligentsia in Russia]. Moscow, Molodaya gvardiya, Publ., 1991. 462 p. (In Russian)

3. Bell D. *Griadushchee postindustrial'noe obshchestvo. Obrazets sotsial'nogo prognozirovaniia* [Future postindustrial society. Sample social forecasting]. Moscow, Akademiya Publ., 2004. 788 p. (In Russian)

4. Gouldner A. *Nastupaiushchii krizis zapadnoi sotsiologii* [The coming crisis of Western sociology]. St. Petersburg, Nauka, 2003, 576 p. (In Russian)

5. Turen A. *Vozvrashchenie cheloveka deistvuiushchego. Ocherk sotsiologii* [Current man returns. Essay on Sociology]. Moscow, Nauchny mir, Publ., 1998. 204 p. (In Russian)

6. Markuze G. *Odnomernyi chelovek. Issledovanie ideologii Razvitogo Industrial'nogo Obshchestva* [One-dimensional man. Study of the ideology of Advanced industrial society]. Moscow, REFL-book Publ., 1994. 341 p. (In Russian)

7. Fuko M. *Zabota ob istine* [Caring about the truth]. *Volia k istine* [The will to truth]. Moscow, Kastal Publ., 1996, pp. 307–327. (In Russian)

8. Stepun F. A. *Sochineniia* [Compositions]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2000. 600 p. (In Russian)

9. Bocharov V. V. *Intelligentsiia i nasilie* [Intelligentsia and violence]. *Antropologiya nasiliia* [Anthropology of violence]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2001, pp. 39–88. (In Russian)

10. Girenko N. M. *Morfologiya, ideologiya nasiliia i strategii vyzhivaniia* [Morphology, the ideology of violence and survival strategies]. *Antropologiya nasiliia* [Anthropology of violence]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2001, pp. 88–115. (In Russian)

11. Ben'iamin V. *Uchenie o podobii* [Doctrine of similarity]. Moscow, RGGU Publ., 2012. 287 p. (In Russian)

For citation: Kalnoy I. I., Markov B. V. Intelligentsia in modern conditions. *Vestnik of Saint-Petersburg University. Ser. 17. Philosophy. Conflict Studies. Culture Studies. Religious Studies*, 2016, issue 2, pp. 88–99. DOI: 10.21638/11701/spbu17.2016.209

Статья поступила в редакцию 18 января 2016 г.